

Н.С. Хрущев

КАК МЫ ПОССОРИЛИСЬ С АЛБАНИЕЙ *

... После XX съезда, а они понимали, в чем заключалась суть — это осуждение личности, это осуждение культа личности, осуждение единовластия, единоначалия, значит, и прочее и прочее... Осуждение антидемократических, антипартийных форм жизни и в партии и в стране, которые создались решением XX съезда... Это напугало албанцев, да не только албанцев, и другие, которые не так грубо, но тоже, так сказать, видимо, это их встревожило, что демократия, конечно, хороша, но в демократических условиях удержаться у власти у руководства и, так сказать, не оглядываясь и не прислушиваясь к тем, кем руководишь, это трудная задача. Тут требуется большой ум и требуется умение, умение и понимать задачи, которые стоят и перед партией и перед страной, и умение слушать тех, кем ты руководишь. Надо... надо всегда чувствовать свою зависимость, что ты в руководстве над ними не потому, что ты хочешь ими руководить, а, главным образом, чтобы ты понимал, что ты можешь руководить ими при условии, если хотят те, которыми ты руководишь, чтобы ты ими руководил. А это только возможно при одном условии, если этот руководитель, как говорится, является плотью и кровью своего народа, своей партии. Который исходит из интереса народа, не личных эгоистических, значит, и тщеславных, а действительно обладает знанием, скромностью и умением жить в коллективе и вести соответствующую работу и ... которая соответствовала бы твоему общественному и политическому положению... То есть ты не над партией, а ты слуга партии, ты можешь только быть на этом посту, покамест воля партии поддерживает и довольна тобой и твоей деятельностью.

Это не укладывалось в практическую деятельность, которая проводилась Энвер Ходжа, Мехмет Шеху и Баллуту. Потом уже,

* Две книги воспоминаний Н.С. Хрущева по-русски вышли в издательстве "Chalidze Publications": 1-я в 1979 г., 2-я — в 1981 г.

когда у нас обострились отношения, а потом переросли во враждебные отношения, и тогда приходили албанцы и более откровенно рассказывали здесь, и буквально издевались... у них слезы, какое положение было и к чему сейчас, видимо, они отброшены, значит. Но сейчас уже не могу конкретно, значит, назвать фамилии, но вот мне рассказывал Тито, что там секретарем... первым секретарем Центрального комитета был очень хороший, говорит, товарищ. Они, албанцы, его знали... то есть югославы его знали и поддерживали. Он сам был из рабочих и, собственно, он был первым организатором коммунистической партии Албании. И его, значит, я не знаю, при каких обстоятельствах, и на какой основе, так сказать, Энвер Ходжа и Баллуту и Мехмет Шеху против него устроили заговор и говорят, что Мехмет Шеху буквально лично задушил этого человека. Потом много рассказывали, конкретно называли случаи, кого, значит, задушили, тайно бывали. Мне потом рассказывали, что у них была такая система, что если кто-нибудь проштрафился, а это определял Энвер Ходжа, Мехмет Шеху и Баллуту, тогда они выносили втроем приговор устный или письменный. А приговор — достаточно было им согласиться всем трем, что такой-то человек является вредным для партии, и они находили возможность и уничтожали его, тайно уничтожали, этот человек исчезал. Это очень похоже на систему, которую ввел Сталин, он это тоже делал через Берия и через других подобных Берия лиц, таким же способом было очень много достойных людей уничтожено Сталиным. В нашей партии.

Вот, собственно говоря, положение, какое сложилось у нас с Албанией, с Албанией и чем это вызвалось. Вызвалось это боязнью, боязнью демократизации, я повторяю, демократизации общественно-партийной жизни в стране. А это, я считаю, неизбежно, и это главное, это главное было, и сейчас я считаю, сейчас, я стою на этих позициях с еще большей убежденностью. И здесь мы, значит, уже... и помню у нас разрыв. Как этот разрыв сказался, значит, и как он выражался на определенных этапах, значит. Но прежде всего, я уже говорил, что мы узнали, что албанцы с китайцами против нас ведут работу, и мы тогда, собственно, и узнали, что китайцы против нас ведут работу, потому что других у нас, кроме этих, фактов не было. А это вот, когда ехала в Китай албанская делегация..., то пришла одна ал-

банка — честнейший человек, я думаю, что они ее задушили, беднягу, значит, гестапо ее не задушило, так свои, как говорится, братья в кавычках, потому что это же коммунисты, она коммунистом была, хороший человек, хорошая коммунистка, ее, видимо, задушили... Дело в том, что она как коммунист пришла к нам в Центральный комитет и рассказала, о чем китайцы разговаривали с албанцами, и как албанцы, значит, соглашались с китайцами. И мы же, по наивности своей, как только узнали... а Махмет Шеху лег тогда у нас в больницу, не знаю, процедуру какую-то должен был лечебную проводить, мы ему рассказали, значит, что вот, как это могло случиться, что вот в Китае у вас такая беседа... Мехмет Шеху буквально тогда, как говорится, с постели больничной схватился и сейчас же улетел в Албанию.

А уже окончательный разрыв такой — это произошел у нас тогда... был проходил партийный съезд Румынской коммунистической партии в Бухаресте. И там, когда мы решили собраться и обменяться мнениями по международным вопросам и по вопросам отношений между коммунистическими партиями и китайской компартией, я говорю не только между коммунистической партией Советского Союза и Китайской, но эти, такие же вопросы касались и других коммунистических партий. И вот когда мы собрались, неожиданно, для меня совершенно было неожиданно, албанцы открыто выступили против нас. В поддержку Китая. Я не помню сейчас фамилию этого товарища, который был представителем албанской партии труда на съезде компартии Румынии в Бухаресте, но я его спросил, в чем дело? Он говорит, товарищ Хрущев, я сам ничего не знаю, я получил такую директиву, я получил директиву поддерживать Китай. Я сам не знаю. Мы тогда еще думали, что не все потеряно, мы хотели все сделать, чтобы с албанцами у нас не было бы разрыва, чтобы восстановить наши дружеские отношения. Но несмотря на наши усилия, это ни к чему не привело. А уж когда собрались на совещание, я не помню, какой это был год — 60-й, наверное, когда собрались все братские компартии в Кремле, и Энвер Ходжа тут выступил с антисоветской речью, обвинительной, значит. Он больше... больше клыки собачьи показывал против нас, чем сами китайцы. И тогда очень характерно выступила Долорес Ибаррури, это старейший революционер и преданнейший человек коммунисти-

ческому движению, она выступила и говорит, как это так, это, говорит, выступление Энвер Ходжи подобно тому, когда, говорит, пес, которому подают хлеб, а он бросается и хватается за руку. Это очень метко было сказано, значит, но это вот факт.